

Цин Янь сразу понял причину, по которой вчера Юй Циньси пришел сюда в таком безумном состоянии. Юй Фэнтан окончательно разочаровался во втором сыне и теперь решил вновь обратиться к Юй Цин Яню, надеясь, что тот осуществит его мечту о сдаче государственных экзаменов.

Однако Чжоу Яньлян не из тех, с кем легко справиться, и Цин Янь мог лишь представить, каким хаосом сейчас охвачен дом Юй — словно кипящий котел.

Юй Фэнтан внешне казался строгим и властным, но на деле он был слабохарактерным. Мать с сыном действовали заодно, а все семейное имущество находилось под полным контролем Чжоу Яньляна. Когда-то она сумела спровадить своего пасынка в деревню Люси, лишь потому что Юй Фэнтан не хотел брать на себя ответственность — да и попросту не мог ее взять.

Даже будь прежний Юй Цин Янь на его месте, он бы ясно увидел, что возвращаться сейчас не время. Юй Фэнтан все равно не смог бы его защитить. Тем более нынешний Цин Янь, оказавшийся здесь благодаря странным обстоятельствам, вовсе не интересовался государственными экзаменами и не имел никакого желания связываться с семьей.

Цин Янь не стал проявлять холодность, а просто улыбнулся разносчику и сказал:

— Передайте старику, что Цин Янь уже давно не тот, что прежде. За последний год я не прочел ни одной страницы, лишь мечтаю спокойно жить. Прошу, впредь не беспокойте меня.

Разносчик хотел было еще что-то сказать, но Цин Янь вынул из-за пояса полляна мелкого серебра и протянул ему.

— Уважаемый, благодарю вас за труд.

Увидев серебро, лицо разносчика невольно озарилось улыбкой, но он стал отказываться:

— Нет-нет, это слишком много...

Цин Янь все же настоял:

— Возьмите, пожалуйста. И если с той стороны появятся какие-то новости, прошу, не оставляйте меня в неведении.

Разносчик все понял, кивнул с довольным видом и быстро спрятал серебро в рукав.

Когда тот ушел, улыбка на лице Цин Яня угасла, а брови нахмурились. Слова Юй Фэнтана не давали ему покоя. Что он намерен делать дальше? Цин Янь лишь надеялся, что тот наконец сдастся и перестанет вмешиваться.

...

Прошло три месяца, и погода начала понемногу теплеть. Люди уже сняли свои тяжелые ватные куртки. Однако старый доктор, ввиду своего возраста, по-прежнему был одет как зимой. Юный ученик проводил Цю Хэняня и Цин Янь в лечебницу. Войдя, они увидели, как старик играет в шахматы с другим седовласым старцем. В помещении тихо разливались ароматы лекарств и благовоний, а единственным звуком был стук шахматных фигур о доску.

Они не стали беспокоить двух старцев, а тихо встали в стороне, наблюдая за их игрой и терпеливо ожидая. Через некоторое время старик, что выглядел постарше, бросил шахматную фигуру, недовольно хмыкнул и произнес:

— Устал. Больше играть не буду.

Старый доктор с улыбкой ответил:

— Брат, ты по-прежнему не умеешь проигрывать.

Старик холодно усмехнулся:

— Ну и что, что ты выигрываешь в шахматах? Когда сталкиваешься с неизлечимой болезнью, все равно за помощью ко мне идешь.

С этими словами старик резко встал. Несмотря на свой возраст, он оказался высоким, с прямой осанкой и легкой, упругой походкой, в которой не было ни следа старческой неуклюжести. Его глаза горели живым блеском.

Он подошел к двоим супругам, бросив мимолетный взгляд на лицо и фигуру Цин Яня, а затем остановил внимание на Цю Хэняне.

Цю Хэнянь слегка поклонился, сложив руки в традиционном жесте уважения:

— Меня зовут Цю Хэнянь. Простите за беспокойство и спасибо за вашу помощь.

Старик внимательно посмотрел на него, затем жестом пригласил сесть за стол и начал сосредоточенно проверять его пульс.

Старый доктор отложил шахматы и молча наблюдал за происходящим.

Цин Янь почти перестал дышать, следя за каждым движением старика. Через некоторое время тот произнес:

— Как ты и говорил, пульс абсолютно нормальный. Никаких отклонений.

Старый доктор кивнул:

— Поэтому я подозреваю, что это отравление. Но за все годы моей практики я никогда не сталкивался с подобным случаем, поэтому мне трудно определить, что это за яд.

Выслушав это, старик ненадолго задумался, а затем велел ученику принести его инструменты. Тщательно вымыв руки, он взял иглу и проколол палец Цю Хэняня, извлекая несколько капель крови.

Старый доктор склонился поближе, но не заметил ничего необычного и покачал головой. Тогда старик открыл окно и подставил капли крови солнечному свету. При этом все присутствующие вдруг побледнели.

Изначально кровь была ярко-красной, но под яркими лучами полуденного солнца она приобрела еле заметный синий оттенок.

...

Яд в теле Цю Хэняня оказался невероятно сложным. Старый доктор не мог его диагностировать, потому что это был не один конкретный яд, а смесь нескольких.

Этот странный синий цвет был вызван веществом под названием ланьтоу-ву (синеголовый ворон) — одним из токсинов, вызывающим изменения цвета крови. Употребление этого яда может привести к помутнению рассудка, а в тяжелых случаях — к полной утрате сознания.

Однако Цю Хэнянь, хотя и потерял память, сохранил ясность ума. Это выглядело как тщательно рассчитанное действие, но могло быть и совпадением — возможно, он случайно получил лишь частичную дозу яда.

Шрамы на лице, проблемы с контролем в личной жизни и трудности с зачатием, скорее всего, были побочным эффектом действия других ядов. Это вряд ли было основным замыслом того, кто его отравил.

Если предположить, что дозы ядов контролировались, то цель использования других токсинов, вероятно, заключалась в том, чтобы смягчить сильное воздействие ланьтоу-ву. Иными словами, отравитель не хотел смерти Цю Хэняня или его умственного упадка. Главной целью было заставить его забыть прошлое.

Когда старик закончил говорить, он взглянул на опустившего глаза Цю Хэняня, а затем перевел взгляд на Цин Яня. Со вздохом он произнес:

— Этот яд хоть и сложный, но при терпении его можно вывести. Правда, после стольких лет последствия останутся, но ваш организм еще молод и крепок. Что касается детей — это вполне возможно. Надежда есть.

Услышав, что яд можно вывести, Цин Янь, чьи брови до этого были напряженно сведены, наконец смог немного расслабиться. Он взглянул на старика и сказал:

— Главное, что можно снять отравление, остальное для нас не столь важно.

Старик кивнул.

— У меня есть дела на севере, я останусь здесь всего на три дня.

За эти три дня он составил рецепт и поручил Цю Хэняню временно принимать лекарство. После завершения своих дел старик планировал вернуться и скорректировать лечение в зависимости от результатов.

Цю Хэнянь и Цин Янь рассказали ему о ситуации с Цинь Лянчуанем. Выслушав, старик согласился с их предположениями:

— Скорее всего, Цинь Лянчуань тоже был отравлен, но его случай отличается от вашего.

Он отметил, что два года назад у Цинь Лянчуаня родился ребенок, память полностью восстановилась, и лечение не потребовалось. Это могло быть связано с разным составом яда или дозировкой.

— Все это пока лишь догадки, — продолжил старец. — Самый надежный способ подтвердить гипотезу — проверить кровь Цинь Лянчуаня. Даже если яд постепенно исчезает с годами, изменения в цвете крови остаются.

В тот же день Цю Хэнянь написал Цинь Лянчуаню письмо, подробно объяснив ситуацию.

Все три дня Цю Хэнянь оставался в лечебнице, а Цин Янь каждый день приносил ему еду. Он готовил столько, чтобы хватило на троих-четверых, и приносил порции для обоих врачей и ученика. После трапезы он убирал и возвращался домой, чтобы приготовить следующую порцию.

За эти дни частое применение лекарств истощило Цю Хэняня. С каждым разом, когда Цин Янь приходил, его лицо выглядело все более бледным. В моменты визита Цю Хэнянь либо спал после очередной дозы, либо был занят акупунктурой. Разговаривать удавалось редко.

В последний день старик дал Цин Яню несколько наставлений, оставил ему бутылочки с

лекарствами и отправился дальше по своим делам.

Цин Янь поддерживал ослабленного Цю Хэняня, помогая ему дойти до дома. Путь был долгим, они часто останавливались, чтобы отдохнуть, и добрались домой с большим трудом. Как только они пришли, Цин Янь усадил Цю Хэняня на кровать, а сам растопил печь, согрел дом. Когда лекарство было готово, он принес его в комнату и увидел, что Цю Хэнянь, облокотившись на подушки, уже задремал.

Цин Янь тихо поставил чашу с лекарством на стол, поправил одеяло и сел рядом, наблюдая за его лицом. Обычно именно Цю Хэнянь заботился о нем, вставал раньше, разжигал огонь и готовил завтрак. Увидеть его спокойно спящим было редкостью.

Цин Янь осторожно провел пальцами по его бровям и глазам. Едва он коснулся, как Цю Хэнянь открыл свои глаза, спокойные и глубокие, словно озера.

— Ты уже вернулся, — сказал Цю Хэнянь, повернув голову и глядя на Цин Яня.

Цин Янь немного нахмурился и заявил:

— Я только что попробовал твое лекарство. Оно горькое.

Цю Хэнянь улыбнулся:

— Принеси, я тоже попробую.

Но вместо того, чтобы взять чашу, стоявшую на столе, Цин Янь встал, наклонился к нему, оперся руками о его плечи и осторожно коснулся губами его губ.

— Горько? — тихо спросил он.

Цю Хэнянь поднял голову и посмотрел на него, взгляд на мгновение задержался на его губах. Затем он тихо произнес:

— Не почувствовал вкуса.

Цин Янь снова наклонился, их губы соприкоснулись, а затем его язык осторожно проник между зубами — это был первый настоящий поцелуй, инициированный им самим.

После этого Цю Хэнянь, слегка осипшим голосом, сказал:

— Действительно немного горько.

Цин Янь, покраснев, развернулся, чтобы взять чашу с лекарством. Он поднес ее Цю Хэняню, наблюдая, как тот запрокинул голову и выпил все до последней капли. Затем он подал приготовленную заранее воду, чтобы запить.

Когда лекарство было выпито, Цин Янь сел рядом, прислонившись к спинке кровати, и с болью в сердце посмотрел на бледное лицо Цю Хэняня и его заметно похудевшие за последние дни щеки.

— Что бы ты хотел поесть вечером? — спросил он.

Цю Хэнянь задумался и ответил:

— Хочу твоего яичного крема на пару и булочек с начинкой из баранины и картошки.

Цин Янь покачал пальцем:

— Яичный крем — можно, но баранина — это нельзя. Врач сказал, что тебе пока противопоказано.

— Тогда свинина, тушенная с лапшой, — предложил Цю Хэнянь.

— Это можно, — кивнул Цин Янь. Он помог ему лечь на кровать.

— Отдохни пока. Я пойду готовить. Если что-то нужно, позови меня.

Цю Хэнянь посмотрел на него и с улыбкой ответил:

— Хорошо.

Когда Цин Янь вышел из комнаты, улыбка на лице Цю Хэняня медленно исчезла, а в его спокойных глазах появилась легкая тревога.

...

Прошло всего несколько дней, и состояние Цю Хэняня заметно улучшилось. Теперь он больше не испытывал сильной нагрузки от тестирования лекарств — достаточно было принимать прописанное средство и оставленные стариком таблетки. Благодаря крепкому здоровью он быстро восстановился.

Единственным ограничением оставалась диета, а также необходимость время от времени посещать старого доктора для осмотра.

Работа кузницы возобновилась. Чтобы Цю Хэнянь правильно питался, Цин Янь каждый день приносил ему обед. Он также просил ученика Сяо Чжуана внимательно следить за здоровьем своего учителя. Тот с энтузиазмом обещал.

Вечером, возвращаясь из кузницы, Цю Хэнянь тщательно мылся, поскольку пыль и грязь накапливались за день. Раньше он часто помогал Цин Яню мыть голову, но теперь тот настоял, чтобы сам заботился о Цю Хэняне, помогая ему мыть волосы и спину.

Цю Хэнянь не стал спорить и просто уступил его заботе.

После вечерних процедур они оба вернулись в спальню. Цю Хэнянь читал книгу, сидя на кровати, а Цин Янь каждый устроился рядом, играя с кончиками его еще не собранных в узел волос. Кошка А-Мяо уютно устроилась у него на коленях, согревая ноги.

Но, не дождавшись, пока Цю Хэнянь закончит хотя бы одну страницу, Цин Янь каждый внезапно выхватил у него книгу и отложил ее в сторону.

А-Мяо, почувствовав резкое движение, выгнула спину, но тут же оказалась перевернутой на мягкие подушки.

Встретившись с удивленным взглядом Цю Хэняня, Цин Янь обвил руками его шею, наклонился и вдохнул аромат его волос. После этого он осторожно поцеловал его губы, с довольной улыбкой посмотрел в лицо и, немного нахально склонив голову, заявил:

— Малыш, ты так вкусно пахнешь. Можно, я тебя немного потрогаю?

<http://bllate.org/book/13590/1205229>